

УДК 93/94+929

DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-56-64

Р. Г. ГАГКУЕВ¹
Ф. А. ГУЩИН¹Институт российской истории РАН,
г. Москва

«ПУСТЬ БЫЛИ У ДОБРОВОЛЬЦЕВ ОШИБКИ И ГРЕХИ, НЕ ОШИБАЕТСЯ ТОТ, КТО НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТ». ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. А. КЕЛЬНЕРА О ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ ОФИЦЕРСТВЕ В 1918—1920 гг.

Публикация посвящена характеристике добровольческого офицерства, в годы Гражданской войны воевавшего в составе белых армий Юга России. Приведены воспоминания генерал-майора К. А. Кельнера, раскрывающие внутренние взаимоотношения и облик частей 1-го армейского корпуса Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России в 1918—1920 гг. Проведен анализ источника, впервые опубликована подробная биография автора воспоминаний. Мемуары, написанные Кельнером в 1930 г., подробно характеризуют наиболее известные «цветные» полки Добровольческой армии — дроздовцев, марковцев, корниловцев и алексеевцев. Особо следует отметить внимание автора не только к парадной стороне жизни добровольческих полков, но и негативным сторонам добровольчества.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая армия, ВСЮР, П. Н. Врангель, офицерство, дроздовцы, корниловцы, марковцы, алексеевцы.

Воспоминания о добровольцах и Добровольческой армии уже много лет составляют отдельный жанр мемуарной литературы. Ежегодно книжные новинки, связанные с этой темой, увеличивают доступный для исследователей массив источников по истории Гражданской войны [1—3]. Наибольшую часть этих изданий представляют описания боевых будней Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) в 1918—1920 гг. [4, 5]. Значительно меньше воспоминаний участников Гражданской войны посвящено характеристике первых добровольцев, их историческим и психологическим портретам. Одними из немногих таких исключений стали сочинения генерал-майора Б. А. Штейфона «Кризис добровольчества» [6] и биографический очерк о генерале А. П. Кутепове [7, с. 9—226].

Среди многочисленных неопубликованных мемуаров о Гражданской войне особо стоят воспоминания генерала К. А. Кельнера. Проведший всю войну в рядах Дроздовской стрелковой дивизии, он хорошо знал добровольческое офицерство.

В 1930 г. Кельнер написал ряд неопубликованных очерков-характеристик о таких знаковых офицерах Добровольческой армии, как генерал-майоры В. В. и В. К. фон Манштейны, генерал-лейтенант В. К. Витковский, генерал-лейтенант В. З. Маймаевский, генерал от инфантерии А. П. Кутепов и др. [8]. В отдельном очерке он попытался охарактеризовать и наиболее известные воинские части, созданные на Юге России из офицеров, — Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевские полки.

Константин Александрович Кельнер родился 23 января 1879 г.¹ в военной дворянской семье². Его отец — один из героев русско-турецкой войны 1877—1878 гг. генерал-майор А. А. Кельнер³. Военную карьеру выбрали трое из восьми его детей — сыновья Николай⁴, Семен⁵ и Константин. Константин Кельнер, окончив 1-й Кадетский корпус, начал свою службу в армии в августе 1898 г. в Санкт-Петербурге, став юнкером рядового звания в Павловском военном училище. Спустя два года, в августе 1900 г., Кельнер окончил училище по 1-му

разряды с производством в подпоручики. Из училища он вышел в 9-й стрелковый полк, входивший в состав 3-й стрелковой дивизии. Почти всю свою службу в русской армии он провел в этом полку. В его составе в октябре 1900 — январе 1901 гг. Кельнер участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания. В октябре 1904 г. Кельнер был произведен в поручики. В этом чине он успел принять участие в войне с Японией, на фронт которой он отправился в январе 1905 г. [10, л. 1—1 об.].

Начало Первой мировой войны застало Кельнера в чине штабс-капитана в должности командира 1-й роты полка, которой он командовал с июня 1908 г. Уже в начале войны он был дважды ранен — 26 августа в бою с австрийцами у села Мостки и 24 ноября 1914 г. [10, л. 1; 11, л. 92]. Между этими двумя ранениями в октябре 1914 г. Кельнера произвели в капитаны. В июне 1915 г., спустя семь лет командования ротой, он был назначен командиром 1-го батальона полка. В октябре 1915 г. Кельнер получил производство в подполковники, а 3 сентября 1916 г. — в полковники. Осенью того же года он с 4 октября по 24 ноября 1916 г. впервые временно командовал полком. Наконец 14 февраля 1917 г. был назначен помощником командира 11-го стрелкового полка [10, л. 1—2]. Полк входил в состав той же 3-й стрелковой дивизии, что и его родной 9-й полк.

За 3 года войны за участие в боях Кельнер награжден рядом наград: 14 июля 1915 г. — орденом святого Владимира 4-й степени с мечами [12, л. 499]; 8 апреля 1916 г. — святой Анны 2-й степени с мечами [13, л. 163 об.]; 11 июня 1916 г. — мечами и бантом к ордену святого Станислава 3-й степени [14, л. 271], 28 июля 1916 г. — орденом святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» [15, л. 601 об.]. Наконец, 18 ноября 1916 г., Кельнеру был пожалован орден Святого Георгия 4-й степени за то, что в «бою с 27 февраля по 1 марта 1915 г. у д[еревни] Смольник, командуя отрядом из шести рот с 6 пулеметами под сильным огнем, после упорного сопротивления овладел высотой 704 и гребнем к юго-западу от нее до р[еки] Ослава, захватив 6 пулеметов, 15 офицеров и до 700 нижних чинов в плен; после этого сражение приняло решительный оборот в нашу пользу» [16, л. 465 об.].

Еще в октябре 1916 г., когда Кельнер временно командовал 9-м стрелковым полком, он представлялся на должность командира полка. Бывший командир 9-го стрелкового полка полковник Н. В. Запольский 3 октября 1916 г. характеризовал его: «Полковник Кельнер любит военное дело. Весьма образован в военном отношении. Умственно развит. В бою спокоен и храбр. Держит подчиненных в повиновении. Выдающиеся боевые качества отмечены высокой наградой — орденом св. Георгия 4-й степени. Характера твердого. Полком управлять в бою может с большим успехом. Представляю в кандидаты на должность командира полка «вне очереди»». Гораздо менее убедительную характеристику ему как офицеру дал 31 октября 1916 г. его непосредственный начальник — командир 9-го стрелкового полка полковник Б. С. Малявин. «Полковник Кельнер к службе относится не всегда внимательно, — писал он, — но военное дело любит и им интересуется; замеченные упущения по службе хотя и не носят серьезного характера, но заставляют относиться к его деятельности не с полным доверием. Физически здоров и вынослив, хотя продолжительность боевой службы сказывается иногда в излишней нервности в служебных отноше-

ях, но не в боевой обстановке, в которой спокоен и храбр. Хороших умственных качеств. В нравственном отношении вполне достойный человек. К должности командира полка вполне подготовлен. Представляю в кандидаты на должность командира полка «по старшинству»» [10, л. 2 об.].

Выдвижение К. А. Кельнера в феврале 1917 г. на должность командира полка поддержал командир 3-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. А. Абжолтовский: «По опыту боев в Добрудже согласен с позднейшей аттестацией, данной полковником, Малявиным и ходатайствую о зачислении в кандидаты в порядке общего старшинства». Но общее заключение, сделанное по итогам представления 14 февраля 1917 г. командиром 29-го армейского корпуса генерал-лейтенантом Н. Я. Лисовским, было отрицательное: «Не знаю, но, судя по аттестации, не пригоден к повышению» [10, л. 2 об.].

Командовать полком К. А. Кельнеру довелось уже в совсем другой ситуации. С началом в России Гражданской войны он оказался в рядах белых армий Юга России, поступив в начале 1918 г. добровольцем в 1-ю бригаду русских добровольцев, которую формировал на Румынском фронте полковник М. Г. Дроздовский. В составе Сводно-стрелкового полка отряда Дроздовского принял участие в походе Яссы — Дон. Дроздовцы в мае 1918 г. соединились с Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Мобилизация населения в армию, проводимая белыми на Юге в 1918—1919 гг., привела к росту численности Добровольческой армии и формированию новых частей. Во время Второго Кубанского похода стали создаваться и воинские части из пленных красноармейцев. Первой из таких частей стал командовать Кельнер. С 23 июня он был командиром укомплектованного бывшими красноармейцами Солдатского батальона, развернутого затем в полк (впоследствии — 83-й пехотный Самурский полк). Получив ранение в конце июля 1918 г., Кельнер на время оставил армию [17, с. 139].

После излечения К. А. Кельнер продолжил службу во 2-м офицерском стрелковом полку. Именно в его составе, когда он еще назывался Сводно-стрелковым полком, весной 1918 г. Кельнер совершил поход Яссы — Дон. 18 января 1919 г. он был назначен командиром 2-го офицерского полка, получившим именное шефство генерал-майора М. Г. Дроздовского. С 6 мая 1919 г. Кельнер командовал уже 1-й бригадой 3-й пехотной дивизии [18, с. 451]; в том же году был произведен в генерал-майоры. После поражения ВСЮР и эвакуации в Крым в мае 1920 г. он был назначен помощником начальника Дроздовской стрелковой дивизии. С 10 июля временно исполнял обязанности начальника дивизии, сдав командование 6 августа, после чего был зачислен в распоряжение командира 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанта А. П. Кутепова [19, с. 74, 127; 5, с. 44; 3, с. 402, 421].

Эвакуировавшись вместе с Русской армией генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля из Крыма, К. А. Кельнер проделал типичный для многих добровольческих офицеров путь. Первым пунктом в нем был Галлиполийский лагерь. Позднее вместе с Дроздовским полком он перебрался в Болгарию. В 1922 г. Кельнера с группой высших чинов Русской армии выслали из Болгарии в Сербию, где обосновался в Белграде [20, с. 33]. На осень 1925 г. он числился в составе 1-й Галлиполийской роты в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Будучи монархистом, Кельнер вступил в Белграде

в созданный в 1924 г. Корпус императорской армии и флота (КИАФ) [20, с. 91].

В 1920–1930 гг., обосновавшись на Балканах, Кельнер писал свои воспоминания, изредка публикуясь в эмигрантской периодике. В 1936 г. в журнале «Часовой» вышла его статья «Ославица», в которой он рассказал об эпизодах боев 9-го стрелкового полка 27 февраля–1 марта 1915 г. [21, с. 16–18]. В 1939 г. в однодневной газете «За веру, царя и Отечество», подготовленной к 15-летию КИАФ вышла статья Кельнера «Из глубины веков» [22, с. 4].

Во время Второй мировой войны К. А. Кельнер, в отличие от многих других членов КИАФ, не принял какого-либо участия в формировании Русского корпуса в Югославии. Несмотря на это, при подходе частей РККА и отрядов И. Тито к Белграду, он переехал в Австрию. Спустя несколько лет перебрался в Венесуэлу. Там Кельнер обосновался в Сарриа — бедном пригороде Каракаса, принимая активное участие в жизни русской колонии. В 1952 г. был выбран председателем временного правления «Общества белых русских», являлся представителем газет «Россия» и «Православная Русь» в Венесуэле. Наряду с этим Кельнер стоял во главе структуры КИАФ в Южной Америке [20, с. 88]. В 1959 г. в журнале «Часовой» была опубликована заметка к 80-летию со дня рождения генерала К. А. Кельнера [23, с. 18]. Скончался он в Каракасе спустя 10 лет.

Кельнер К. А. был дважды женат. Известно, что во время Первой мировой войны он состоял в первом браке с Милицей Викторовной, дочерью генерала В. В. Харламова⁶. Последний с 1914 г. служил в 9-м стрелковом полку, а в мае–июле 1915 г. был непосредственным начальником Кельнера, командуя полком. В браке у Константина и Милицы родилось двое детей — сын Олег (21 мая 1915 г.) и дочь Марина (14 сентября 1916 г.) [10, л. 5 об.]. В Австрию, а затем в Венесуэлу Кельнер переехал с дочерью. В Южной Америке он женился повторно на М. Скляровой [20, с. 88].

Предлагаемый вниманию очерк К. А. Кельнера посвящен характеристике добровольческого офицерства. Состоявшее в массе своей из офицеров военного времени в 1918–1920 гг., оно фактически стало неофициальной гвардией Добровольческой армии. Несмотря на провозглашенный главкомом ВСЮР А. И. Деникиным курс на строительство регулярной армии и восстановление полков старой русской армии, именно участники Первого Кубанского похода, а также похода Яссы–Дон играли наиболее весомую роль в военной жизни белого Юга. В особенности это проявлялось в штабах и строю Добровольческой армии и знаменитых «цветных» полках ее 1-го армейского корпуса. Неслучайно сами офицеры таких полков еще в 1919 г. писали о себе: «марковцы и корниловцы — Добровольческая гвардия» [24, с. 533].

Публикуемые воспоминания написаны Кельнером в 1930 г. в Югославии, в небольшом городе Смедерево близ Белграда. Очерк «Добровольцы. Характеристика и жизнь личного состава белоградской Добровольческой армии», прежде всего, примечателен подробными оценками добровольческого офицерства. «Пусть были у добровольцев ошибки и грехи, не ошибается тот, кто ничего не делает», — подводил итог и оправдывал сказанное в очерке сам Кельнер. Отходя от принятой в большинстве воспоминаний героики, Кельнер приводит немало подробностей, характеризующих взгляды и поведение офицеров «цветных» полков

1-го армейского корпуса, в том числе — нелюбимых: погоня за трофеями, изгнание из полков офицеров-евреев. Рукопись мемуаров хранится в Государственном архиве Российской Федерации [25, л. 1–33]. Вместе с двумя другими делами очерк «Добровольцы» составляет не публиковавшиеся ранее воспоминания генерала Кельнера. Сохранившийся вариант рукописи содержит значительный объем авторской правки текста; отдельные зачеркнутые автором отрывки текста даны в примечаниях к очерку. В настоящей публикации сокращен текст, посвященный общеизвестным эпизодам формирования Отряда полковника М. Г. Дроздовского.

Публикация документа, предисловие и комментарии — доктора исторических наук Р. Г. Гагкуева и кандидата исторических наук Ф. А. Гущина.

Основоположниками Добровольческой армии были части, названные впоследствии корниловцами, марковцами, алексеевцами и дроздовцами. Первые три части были сподвижниками Корнилова в его легендарном походе по Кубани, четвертая же, дроздовцы, несколько различная от предыдущих, сделала самостоятельный поход из Румынии на Дон и присоединилась к армии после ее возвращения из Первого Кубанского похода в конце апреля 1918 г. [...]

С необходимым продвижением по Кубани армия стала разрастаться как снежный ком, увеличиваясь в своей численности. Впоследствии немалые заслуги Дроздовского, ибо на всем пути из Румынии в Новочеркасск, он в населенных центрах оставлял бюро из 2–3 офицеров, снабженных деньгами, для приема в добровольцы и направление их в Добровольческую армию. Кроме того, поход Дроздовского встряхнул вообще офицерство юга России и указал ему достойный его выход.

Первый период существования Добровольческой армии был чисто добровольческим. В армии не было ни одного человека, который попал бы в ее ряды по набору или по принуждению. Лишь с середины июля 1918 г. начинают вкрапываться в части захваченные в плен красноармейцы и то в весьма ограниченном числе.

Быстрый успех добровольцев следовал одним другим. К несчастью, смерть сторожила наших выдающихся руководителей: [Л. Г.] Корнилова под Екатеринодаром, [С. Л.] Маркова под Шабалиевкой, умирает от тяжелой болезни [М. В.] Алексеев, и, наконец, в одном из тяжелых боев под Ставрополем был ранен полковник [М. Г.] Дроздовский, верхом на лошади поспевавший во все опасные места. С большой неохотой он отправился на излечение в Екатеринодар, считая ранение в ступню ноги легким, но ранагноилась, пришлось ему сделать несколько операций, наконец, ему ампутировали ногу, но и это его не спасло, 1 января [1919 г.] его не стало.

Вот эти-то старые добровольческие части и получили наименование в честь своих погибших вождей — шефов.

Попробуем охарактеризовать личный состав добровольческого корпуса (в частности дроздовцев), который выявился к началу 1919 г.

Офицерский состав, имеющий первенствующее значение, как бы распадался на несколько категорий. В первую категорию или назовите [ее] «белую кость» добровольцев составляли первопоходники, т. е. лица, независимо от чина и занимаемой должности прошедшие с Корниловым Первый Кубанский поход, внешне отмеченные медалью (меч

в терновом венце) на Георгиевской ленте⁷ [или] Дроздовского из Румынии на Дон, отмеченный особой овалной медалью на национальной ленте⁸. Лица, награжденные этими медалями, назывались «первопоходники», и это в Добровольческой армии являлось аттестацией весьма почтенной, имеющей в глазах начальства и окружающих большое значение. Эта категория лиц резко отделялась от всех других и сохранила свое значение, пожалуй, и до настоящего времени.

Ко второй категории можно отнести лица, вступившие в Добровольческую армию во время Второго Кубанского похода и вообще с освобождения Кубани и Ставрополя. Число их было весьма значительно. По своим убеждениям, понятию и способу поступления это были те же честнейшие добровольцы, в полном значении этого слова, т. е. добровольно прибывшие из разных концов России, преимущественно из Украины. Это они дали возможность воспрянуть поредевшей Добровольческой армии и начать и завершить освобождение Кубани, Черноморья и Ставрополя⁹.

К 3-й категории нужно отнести лица, прибывшие в Добровольческую армию во время боев в Каменноугольном районе. Конечно, в этом числе было немало и честнейших добровольцев, но большинство было сравнительно пассивное офицерство, которое лишь обстоятельствами были поставлены в необходимость стать в ряды Добровольческой армии. Им можно было ставить в вину их запоздалое прибытие, почему по зачислению их в часть им сразу не давался добровольческий знак (угол из узкой национальной ленты, нашитый на рукав френча), а лишь спустя 2–3 месяца, с разрешения командира роты или батальона.

Солдатский состав добровольцев, отвечающий условиям выше указанных категорий, фактически ничем не отличался от офицерского — это были кадеты, гимназисты, реалисты, семинаристы, студенты и т. п. учащаяся молодежь. В это число можно причислить кубанских казаков, состоящих еще в частях корпуса. По числу своему эти добровольцы были не так многочисленны. Главную же массу солдат составляли так называемые мобилизованные. Их можно разделить на два разряда: 1-й составляли люди, вошедшие в состав части из тыловых районов, занятых Добровольческой армией, они были вполне надежны, так как их понятие о Родине совпадало с местностью, ими защищаемой, т. е. занятой Добровольческой армией. В боевом отношении это был хороший контингент.

2-й разряд составляли бывшие красноармейцы, число их в полку доходило до 40 % состава. Они первое время не были, безусловно, надежны, но массовых измен или переходов на сторону противника не бывало. Встречались одиночные перебежчики, больше из числа коммунистов, случайно уцелевших во время сортировки. Превысить указанный процент красноармейцев в полку представлялось опасным, но все же общее впечатление они производили удовлетворительное и пробывшие в полку 1–2 месяца привязывались к части и становились ее патриотами.

Не могу не упомянуть, что особенность нашей Гражданской войны выработала и особую немногочисленную категорию солдат, которые служили и красным, и белым, куда попадут. Они расценивали службу по тем преимуществам, которые она ему давала. «У кадет строже дисциплина, они лучше воюют, заботы о солдатах больше — одним сло-

вом, порядок. У красных нет порядка, нет и заботы, зато свободней». Этот тип солдата не раз побывал и у одной, и у другой стороны, предпочитая быть там, где успех. Но и он при выборе между порядком и свободой склонялся к первому.

Отсюда естественно вытекал и снисходительный взгляд командования на военную добычу, взятую на поле боя. Чем же иначе можно привлечь и вознаградить этого бывшего красноармейца?

Рядовой офицер в роте и солдат-доброволец мало отличались друг от друга, и, естественно, их отношения были приятельскими. Старые солдаты также приближались к ним, и лишь мобилизованная молодежь и недавние красноармейцы стояли в общественном мнении много ниже. Зато командный состав уже резко различался от рядовой массы, а фельдфебель и командир роты были уже своего рода царьками.

Оригинальная черточка в отношении старых добровольцев к своему высшему начальству. Как-то, уже в Галлиполи, в частном доме, в обществе спросили «старого добровольца» (первопоходника лет 23), как вы относились к своему командиру части генералу М.?¹⁰ «Как относились? Покровительственно...» Это «покровительственно» очень характерно, и, когда вдуматься в эти отношения, то, действительно, этот ответ довольно удачно передает и наглость говорившего, с одной стороны, и любовь и уважение, с другой стороны; здесь сквозит какое-то панибратство. Видимо, боевое сотрудничество на кровавом поле, начиная с колыбели Добровольческой армии, настолько объединило старых начальников и подчиненных, что они действительно стали связанными какими-то нитями. Отсюда является объяснимым желание добровольцев видеть начальников у себя, своих же старых добровольцев; они хорошо знали друг друга. В бою они понимали один другого с полуслова; такой командир роты или батальона всегда с ними, одно его присутствие успокоительно действовало на них. Он с ними в цепи и в тяжелом бою, и в радостной победе. Как им не любить генерала [А. П.] Кутепова, когда он был у марковцев командиром 3-й роты? Как дроздовцам не любить генералов [А. В.] Туркула и [В. В.] Манштейна II, если они выступили с ними в поход в должности фельдфебелей и многих из них знали очень близко?

Имела действительный случай следующая картинка боя. Враг бежит, преследователям попадают трупы убитых, и некоторые солдаты задерживаются их осмотром. Один из них заметив по одежде комиссара, лежащего с открытым ртом и блестящими золотыми зубами, остановился и пытается их вырвать [их] прикладом винтовки. Подбегает командир роты, остановился, посмотрел и говорит: «Дурак же ты, братец, раньше чем в рот залезать, нужно руки осматривать», — при этом, хладнокровно нагнувшись, снял с пальцев убитого два золотых кольца с бриллиантами. Солдат только почесал затылок и пробормотал: «Верно, дурак и есть...». Можно думать, что командир роты от этого только выиграл в глазах своего подчиненного.

Заинтересовался как-то я крупным драгоценным перстнем на руке одного командира батальона, и он так рассказал его происхождение. «Ворвались мы в Харьков, большевики бегут, город освобождают от красных, за исключением одного броневедомола, отчаянно шныряющего по улицам и стреляющего из пулеметов. Меня охватил азарт, поймать его, и, взяв несколько человек, мы стали за ним охотить-

ся. С трудом нам удалось его повредить ручными гранатами, и броневик остановился. Выскакивает оттуда несколько человек матросов и бросились врассыпную. Их всех уложили, лишь один, видимо, комиссар, ловко юркнул в подъезд трехэтажного дома. Я крикнул: «Это мой!» и бросился за ним. Он на лестницу, я за ним попятам на самый верх и ворвался в какую-то пустую квартиру. Я его не выпускаю из вида и, загнав в угол, уложил своим наганом. Правда, стрелял и он, да промазал. Трофеем моим и был этот комиссарский перстень, видимо, снятый им с расстрелянного буржуя»¹¹.

Не менее интересный был случай под Ставрополем в октябре 1918 г. Наши части заняли окраину города и расположенный там женский монастырь, но через некоторое время пришлось отойти и несколько добровольцев, замешкавшиеся на окраине, были отрезаны. Они тайком пробрались в монастырь, и сердобольные монашки укрыли их, переодев в монашеское платье. На счастье это были все юнцы без растительности на лице, и обыскивающие монастырь красноармейцы их не опознали. Через несколько дней монастырь и город были взяты нашими частями, и добровольцы присоединились к своим, считавшим их погибшими.

Умели и умирать добровольцы с честью. После взятия Харькова наши части были расположены в районе Богодухова (?)¹². В этом районе происходили серьезные бои, и однажды из штаба полка выехал в повозке для командования батальоном дроздовцев капитан [П. З.] Тихонравов с несколькими спутниками. При них были и верховые лошади. Подъезжая на полпути к одному из селений, они неожиданно наткнулись на конный отряд красных. «Стой, кто идет?» — последовал окрик. Конюх ударил по лошадям, раздались несколько выстрелов, и повозка помчалась. Видя, что спастись трудно, офицеры пересели на лошадей и рассыпались в разные стороны. Капитан Тихонравов неудачно поскакал по полю пахоты, и вскоре его стала нагонять группа конных большевиков. Лошадь его пристала, и он слез с коня, поджидая приближающихся конников. Первого подъехавшего он убил наповал, та же участь постигла и второго, и лишь будучи раненым он лег и, выпустив все патроны по врагам, застрелился последним из револьвера. Сцену эту наблюдал взятый в плен конюх, через несколько дней перебежавший к нам. Остальные спаслись, выбрав удачную дорогу.

Сколько было случаев, выказывающих чувство долга добровольца и привязанность его к своей части.

Как-то, находясь во время боя в Северной Таврии у колонии Гейдельберг¹³, мне пришлось увидеть толпу приведенных пленных красноармейцев. Их принимал командир 3-го Дроздовского полка полковник Манштейн II. Неожиданно из толпы выдвигается какой-то солдат и с радостью бросается к Манштейну. Тот посмотрел на него, обнял и расцеловал, начались распросы. Оказалось, что, когда часть 3-го полка Манштейна II была оставлена под Новороссийском и не попала на французские суда вместе со своим командиром, офицер этот вместе с другими ушел в горы и, осторожно пробираясь, дошел до Северной Таврии. Там ему пришлось зачислиться рядовым в одну из частей Красной армии, причем он умышленно избрал часть, работавшую против дроздовцев. Дождаться счастливого случая вернуться к своим долго не пришлось, и в этом бою он, подговорив некоторых людей роты, перебежал

к дроздовцам и сдался в плен. Рассказ о перипетиях, испытанных им за эти 1/2 года, был крайне интересным, но, исходя из вышеописанного, можно видеть, насколько велико было его и многих других желание вернуться в свою родную часть и вновь драться плечом к плечу против большевиков. Сколько для этого всяких препятствий пришлось преодолеть!..

Возник у дроздовцев и еврейский вопрос. Как-то командиры рот одного батальона доложили о нежелании офицеров иметь в своей среде евреев-офицеров производства [А. Ф.] Керенского¹⁴. Их было в полку 5 человек. Я доложил командарму генералу [В. З.] Май-Маевскому о создавшемся положении и просил указаний.

«Увольте их в запас армии, увольте без шума, незачем объяснять причины». Так было и поступлено, причем каждому из них выдано удостоверение об увольнении их в запас. Двое из них упорно ходатайствовал о разрешении остаться в полку, и отзыв ротных командиров об их поведении в бою были хорошими, но это ходатайство было мною отклонено. Эти двое по увольнению остались на жительство в Горловке (было это во время борьбы в Каменноугольном районе в начале 1919 г.) и по показанию жителей, при нашем временном отходе из Горловки, они были расстреляны большевиками. Зато ловко устроился третий прапорщик еврей. Месяца через 2–3 я был командирован командармом для очищения тыловых штабов и управлений от офицеров, годных к службе на фронте, и при проверке личного состава канцелярии Екатеринославского губернатора [С. С.] Щетинина предомно предстал молодой человек, видимо, вполне здоровый и призывного возраста.

— Кто вы такой? — спрашиваю.

— Прапорщик N. — отвечает он.

— Отчего вы не на фронте?

— Я уволен в запас армии из Дроздовского полка, — отвечает, подавая документ. К своему удивлению, вижу свою собственную подпись на его удостоверении об увольнении, а сам слегка усмехается. Тогда только я вспомнил об увольнении евреев и спросил прапорщика, какого он вероисповедания.

— Иудейского, Ваше превосходительство.

Дальше произошел большой конфуз начальника канцелярии, кажется, полковника [В. П.] Шатилова¹⁵. В результате прапорщик был уволен и оттуда.

Добровольческий корпус называли иронически «цветным»¹⁶, по цветным ножнам (вместо золотых), носимых добровольцами этих четырех полков (дивизий). Форма у нас, военных, имела всегда немаловажное значение, а добровольческий корпус особенно гордился своей, поэтому и останавлиюсь на этом несколько подробнее.

Кроваво-черный погон, в знак крови и смерти, с шифром [«К»] корниловцев, с красным верхом фуражки с большим кантом и нашитым на рукаве кителя знаком смерти на синем фоне — импонирует каждому. Это была старейшая добровольческая часть, народившаяся еще во время революции как ударная часть имени верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Там служили люди, добровольно обрекли себя на смерть, [о чем говорил] символ, который (череп с двумя скрещенными костями) они носили. Корниловцы были при генерале Корнилове и в Быхове, со своим командиром полковником [М. О.] Неженцевым, весьма любимым верховным. Ядро их прибыло и на Дон. Полковник Неженцев был убит незадолго до смерти генерала Корнилова, а командиром полка после

полковника Кутепова стал полковник [Н. В.] Скоблин, бывший адъютант Неженцева, командующий и по сейчас Корниловской дивизией. Представление о корниловцах у нас связывалось с железной дисциплиной в бою, твердостью и неуклонностью, как рок, надвигающийся на врага. Прорыв в лоб, вот казалось их специальность.

Черно-бархатная форма Марковцев, с шифровкой [«]М[»], в фуражке с белым верхом, говорила об облачении всей России в траур, за кровь, пролитую большевистской революцией, и за то нетерпимое поругание, которое выносит наша многострадальная Родина. Преждевременно павший в бою рыцарь-солдат генерал Марков, любимец добровольцев, вдохновитель их на подвиги в боях и незаменимый советчик нашего командования, являлся их шефом. Форма марковцев была очень изящной и выдержанной.

Синий бархат алексеевцев, с шифром [«]А[»], напоминал о юношах-гимназистах, отдавших свои молодые жизни на служение Родине в так называемом первоначально Партизанском полку, переименованном в Алексеевский. Шеф из генерала Алексеева известен каждому.

Все эти три части носили белый кант — знак чистоты и невинности, знак белого (правого) дела, которому они служили.

Дроздовцы составляли третий полк, почему и носили белый околышек на фуражках. Полк имел наименование стрелковый, почему погон и верх фуражки были малиновые. Белый же кант был принят как общий признак добровольчества. Шифровка на погонах [«]Д[»], в честь шефа их генерала Дроздовского по начертанию своему была взята со славянской буквы «Добро».

Кто сроднился с частью, [у] того внешнее впечатление невольно переносилось и на самый характер ее боевой работы, т. е. на ее существо. Необыкновенная легкость и индивидуальность в маневрах, жизнерадостность, нанесение ударов там, где противник не ожидает, эта легкая пехота. И лучшим [выразителем] дроздовцев, как по характеру, так и по действиям в боях, нужно, по справедливости, назвать генерала Туркула.

Добровольческие части имели у себя лишь незначительный процент кадрового производства. Каковы причины этому? Строевое кадровое офицерство во время зарождения Добровольческой армии было еще на фронте и о движении на Дону многие не знали. Естественно, эта армия могла образоваться, лишь открыв широко двери юношеству, пылающему любовью к Родине, чистоте и правде. Частенько доброволец не умел обращаться с оружием, и это обучение велось во время боя в цепи. Здесь забыто было недоверчивое и предвзятое отношение интеллигенции к армии и военным, ее узнали, оценили и полюбили. Она стала близкой, родной и в редкой интеллигентной семье не было хоть кого-нибудь из родных в армии. Кроме того, в пехоте, после трех лет войны и громадных потерь, которые она понесла, оставалось очень мало кадрового офицерства.

Оставшиеся в живых были уже в штаб-офицерских чинах, таким образом, строевого кадрового обер-офицерства почти не было, что же касается штаб-офицерства, то оно неохотно шло на младшие командные должности, а штаб-офицерских должностей было мало и назначение делалось охотней из своих же добровольцев. Не все были Кутеповы, принявшим 3-ю роту Марковско-

го полка, после командования лейб-гвардии Преображенским полком.

Существовала некоторая разница между частями добровольческими и старой армией. Был даже и некоторый антагонизм. Здесь встретились два взгляда и дальнейшее развитие Добровольческой армии.

Одни находили, что наша русская армия и ее личный состав достоин того, чтобы не создавать импровизированные части, а возобновлять наши старые, с их прекрасными традициями и вековой славной боевой историей.

Другие находили, что всякое новое явление, как революция и гражданская война, повлекли за собой развал армии, потребовали и новых образований для борьбы с ними, и если добровольчество имело успех, то и нужно развивать добровольческие части. Новое вино не вливают в старые мехи, и, наконец, добровольцы первыми подняли оружие против большевизма, и, естественно, у них сказалась практика в ведении гражданской войны, почему от них и нужно учиться и размножаться.

В желании восстанавливать старую армию играло немалую роль и личное честолюбие. Командир какой-либо отдельной пехотной части, а зачастую даже командир батальона, собрав 5–6 человек офицеров этой части испрашивал разрешение на формирование. Для формирования из них ровно ничего не было, кроме командира полка, батальонных командиров и двух-трех ротных. Ни имущества, ни оружия и снаряжения, ни личного состава. Вот и сидят они где-либо в тылу, собирая все что недостающее, в течение весьма продолжительного времени и отнимая от работающих на фронте добровольцев и обмундирования и личный состав, прикрываясь лишь громким именем и бывшей славой своей старой части, от которой, кроме имени, ничего не осталось...

Примеры подобных формирований мы видели на гетманской Украине и в наших так называемых Южной и Астраханской армиях, они потерпели фиаско. Наша регулярная конница, имевшая значительные кадры офицеров (конница на войне потеряла во много раз меньше, нежели пехота), начала восстанавливать свои части и в середине 1919 г. развернулась было в 5-й кавалерийский корпус, но вскоре вынуждена была вновь свернуться в дивизию и бригаду.

В желании развернуться поскорей в полк виделось другое — заменить скорее высшие командные должности этого полка. Между тем вновь сформированные добровольческие конные полки Алексеевский и Дроздовский, хотя и молодые, но обладали большим численным перевесом и боеспособностью. Главнокомандующий генерал Деникин по духу был добровольцем, но склонился к решению восстановления русской армии, почему категорически и воспретил дальнейшее разворачивание четырех цветных полков в дивизии. Но когда он как-то побывал в Ростове, и генерал Май-Маевский ему представил в виде сюрприза 2-й Корниловский полк, сформированный из Корниловского запасного батальона, то он примирился с этим и разрешил разворачиваться четырем добровольческим полкам в дивизии, тем более что фронт нуждался в резервах, а их не было. Нельзя не упомянуть при этом, что 2-й Корниловский полк, а в дальнейшем и вообще разворачивание этих полков в дивизии, делалось самостоятельным попечением самих полков и не потребовало особых

отпусков от интендантства артиллерийских складов и людей от запасных батальонов.

Жертвы добровольцев настолько велики в эту гражданскую войну, что нашим долгом остается лишь бледно отметить эпизоды их боевой работы, создавшие им блестящую репутацию. Пусть были у добровольцев ошибки и грехи, не ошибается тот, кто ничего не делает, но Добровольческая армия есть плоть от плоти и кровь от крови нашей старой и славной русской армии и нужно лишь по справедливости сказать: «Воздай каждому по делам его».

Примечания

¹ Здесь и далее даты приведены по юлианскому календарю.

² Местом рождения в «Краткой записке о службе полковника 9-го стрелкового полка Константина Кельнера» указана «Тарская область», что, вероятно, является ошибкой. Речь идет либо о Тарском уезде Тобольской губернии, либо одной из губерний, написанной с ошибкой (например, — Терской области).

³ Кельнер Александр Александрович (29.06.1834—11.10.1891) — генерал-майор (26.02.1881). При выходе в отставку в августе 1891 г. произведен в генерал-лейтенанты [9, с. 478].

⁴ На январь 1909 г. Н. А. Кельнер в чине капитана служил в 3-м стрелковом артиллерийском дивизионе.

⁵ В Первую мировую войну С. А. Кельнер в чине штабс-капитана служил в 5-м Кавказском стрелковом полку.

⁶ Харламов Виктор Викторович (01.12.1869—14.12.1933) — генерал-майор (31.05.1915).

⁷ Знак отличия Первого Кубанского (Ледяного) похода.

⁸ Медаль за поход Яссы—Дон.

⁹ Зачеркнута автором сноска: «В этом одна из многих заслуг генерала Дроздовского, встряхнувшего во время своего похода офицерство и оставившего ряд бюро на Юге России для формирования офицерских партий в Добровольческую армию».

¹⁰ Возможно, речь идет о генерал-майоре В. В. Манштейне, в Галиполи — помощнике командира Дроздовского полка.

¹¹ Далее в тексте абзац зачеркнут автором: «Не мало было интересных эпизодов, характеризующих находчивость добровольцев. Помнится случай, когда при обороне в Каменноугольном районе мы занимали с малыми частями город Бахмут. Неожиданно ночью ворвались красные, и город пришлось срочно оставить. Комендантский адъютант, уснувший в лучшей гостинице, не был вовремя предупрежден и не успел уйти с нашей частью. Узнав, что в городе красноармейцы, он пошел в комнату к лакею гостиницы, и жена последнего нарядила его в одежду мужа. [Переодетый] офицер с салфеткой под мышкой, спокойно встретил прибывших для его ареста красноармейцев, помогал им в обыске, ругая вместе с ними удравшего адъютанта... Когда на другой день наши части вновь заняли город, выгнав большевиков, офицер вышел к ним навстречу, крикнув издали: "Не стреляйте, свой, поручик N!" Конечно, встреча была радостной. Многие думают, что боязнь скорого возвращения добровольцев и их мести спасла жизнь поручику N, и он не был выдан большевикам».

¹² Знак вопроса поставлен автором.

¹³ Ныне — село Новогоровка Токмакского района Запорожской области Украины.

¹⁴ Утверждение о евреях-офицерах «производства Керенского» не вполне верно; ограничения в производстве лиц иудейского вероисповедания в офицеры были сняты раньше, чем А. Ф. Керенский занял пост военного министра. Вопрос о необходимости отмены национальных, вероисповедных, сословных и политических ограничений при производстве нижних чинов в офицеры был поднят на заседании Временного правительства военным и морским министром А. И. Гучковым еще 4 (17) марта 1917 г. 20 марта (2 апреля) было опубликовано

постановление правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [26, с. 53].

¹⁵ Автор ошибается; В. П. Шатилов был генералом от инфантерии и занимал в 1919 г. должность коменданта Екатеринослава.

¹⁶ Цветными войсками в Западной Европе назывались колониальные войска, набранные из темнокожих (Примечание автора. — Р. Г., Ф. Г.).

Библиографический список

1. «Свет во тьме...». В борьбе за Россию. 1917—1922 / сост. и вступ. ст. С. В. Волкова. Москва: Посев, 2017. 305 с. ISBN 978-5-85824-215-4.
2. Верные долгу. В борьбе за Россию, 1917—1922. Сб. в 2 ч. / Сост. С. В. Волков. Москва: Посев, 2017. Ч. 2. 309 с. ISBN 978-5-85824-217-8.
3. Орлов Г. [А.] Дневник добровольца. Хроника Гражданской войны. 1918—1921 гг. / науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. Москва: Посев, 2019. 712 с. ISBN 978-5-906569-19-6.
4. Материалы для истории Корниловского ударного полка / Отв. сост. М. Н. Левитов; сост., науч. ред., предисл. и коммент. Р. Г. Гагкуева. Москва: Посев, 2015. 871 с. ISBN 978-5-906569-07-3.
5. Трофимов П. М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 г. / подгот. текст., вступ. ст., коммент. Р. Г. Гагкуева. Москва: Кучково Поле, 2018. 252 с. ISBN 978-5-9950-0901-6.
6. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. 131 с.
7. Штейфон Б. А. Генерал А. П. Кутепов // Генерал Кутепов / сост. и ред. Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков [и др.]. Москва: Посев, 2009. С. 9—226. ISBN 978-5-85824-190-4.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Д. 393. «Некоторые из маршалов Добровольческого корпуса». Воспоминания. 1930 г. 72 л.
9. Список генералам по старшинству. Составлен на 1 января 1891 г. Санкт-Петербург, 1891.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 54861.
11. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1192.
12. РГВИА. Печатные издания. Д. 14810.
13. РГВИА. Печатные издания. Д. 14830.
14. РГВИА. Печатные издания. Д. 14832.
15. РГВИА. Печатные издания. Д. 14833.
16. РГВИА. Печатные издания. Д. 14836.
17. Кравченко В. [М.] Дроздовцы от Ясс до Галиполи. В 2 т. Мюнхен, 1973. Т. 1. 394 с.
18. Бикс П. И. Дневник военных действий в Каменноугольном бассейне // Дроздовский и дроздовцы / сост. Р. Г. Гагкуев [и др.]. 2-е изд. Москва: Белые войны: Достоинство, 2012. С. 441—462. ISBN 978-5-904552-18-3.
19. Кравченко В. [М.] Дроздовцы от Ясс до Галиполи. В 2 т. Мюнхен, 1975. Т. 2. 366 с.
20. Чичерюкин-Мейнгард В. Г. По следам дроздовцев... Москва: Посев, 2016. 156 с. ISBN 978-5-906569-11-0.
21. Кельнер К. [А.] Осливица (из воспоминаний командира роты) // Часовой. 1936. № 178. С. 16—18.
22. Кельнер К. [А.] Из глубины веков // За веру, царя и Отечество. Белград, 1939. С. 4.
23. Часовой. Брюссель. 1959. № 398.
24. Большаков Л. П. Взятие Белгорода // Марков и марковцы: [сб. док. и воспоминаний] / сост. Р. Г. Гагкуев [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2012. С. 532—535.
25. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 394.
26. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. В 3 т. / Под ред. С. М. Диманштейна. Москва, 1930. Т. 3.

Для цитирования

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

AuthorID (РИНЦ): 293012

ORCID: 0000-0002-1413-6684

Адрес для переписки: gagkuev@yandex.ru

ГУЩИН Федор Александрович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

AuthorID (РИНЦ): 1075759

ORCID: 0000-0002-3010-8683

Адрес для переписки: adv-fedor@bk.ru

Гагкуев Р. Г., Гущин Ф. А. «Пусть были у добровольцев ошибки и грехи, не ошибается тот, кто ничего не делает». Воспоминания генерал-майора К. А. Кельнера о добровольческом офицерстве в 1918–1920 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 56–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-56-64.

Статья поступила в редакцию 28.06.2020 г.

© Р. Г. Гагкуев, Ф. А. Гущин

UDC 93/94

DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-56-64

R. G. GAGKUEV¹
F. A. GUSHCHIN

¹Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

«EVEN THOUGH VOLUNTEER FIGHTERS MADE THEIR MISTAKES AND SINS, ONLY THOSE WHO DO NOTHING MAKE NO MISTAKES». MEMOIRS OF VOLUNTEER ARMY OFFICERS IN 1918–1920 LEFT BY MAJOR GENERAL KONSTANTIN A. KELNER

This research article focuses on characterization of Volunteer Army officers who fought in the Russian Civil War being part of the White armies of South Russia. Quoted memoirs by Major General Konstantin A. Kelner reveal inner relationships and image of the 1st Volunteer Army Corps units of the Armed Forces of South Russia in 1918–1920. An analysis of this historical document has been made and the first full-scale biography of the memoirist has been introduced. The memoirs written by Kelner in 1930 provide a detailed description of the best known «colored» [for their uniforms] regiments of the Volunteer Army: Drozdovites, Markovites, Kornilovites and Alekseevites. The general doesn't focus just on the glitzy front of their life, but also on negative aspects of the Volunteer movement, which deserves special attention.

Keywords: Volunteer Army, Armed Forces of South Russia (AFSR), the Russian Army of General Pyotr N. Wrangel, Volunteer Army officers, 1st Army Corps, «colored» regiments, Drozdovites, Kornilovites, Markovites, Alekseevites.

References

1. «Svet vo t'me...». V bor'be za Rossiyu. 1917–1922 [«Light in the darkness...». In the fight for Russia. 1917–1922] / Comp. S. V. Volkov. Moscow, 2017. 305 p. ISBN 978-5-85824-215-4. (In Russ.).

2. Vernyye dolgu. V bor'be za Rossiyu, 1917–1922 [Faithful to duty. In the struggle for Russia, 1917–1922]. In 2 parts. / Comp. S. V. Volkov. Moscow, 2017. Part 2. 309 p. ISBN 978-5-85824-217-8. (In Russ.).

3. Orlov G. Dnevnik dobrovol'tsa. Khronika grazhdanskoj voyny. 1918–1921 gg. [Diary of a volunteer. Chronicle of the

Civil War. 1918–1921] / Ed. S. V. Volkov. Moscow, 2019. 712 p. ISBN 978-5-906569-19-6. (In Russ.).

4. Materialy dlya istorii Kornilovskogo udarnogo polka [Materials for the history of the Kornilov shock regiment]. Moscow, 2015. 871 p. ISBN 978-5-906569-07-3. (In Russ.).

5. Trofimov P. M. Drozdovskaya diviziya v general'nom srazhenii na putyakh k Moskve osen'yu 1919 g. [Drozdovskaya division in the general battle on the way to Moscow in the fall of 1919]. Moscow, 2018. 252 p. ISBN 978-5-9950-0901-6. (In Russ.).

6. Shteyfon B. A. Krizis dobrovol'chestva [The crisis of volunteering]. Belgrade, 1928. 131 p. (In Russ.).

7. Shteyfon B. A. General A. P. Kutepov [General A. P. Kutepov] // General Kutepov [General Kutepov] / comp. and ed. R. G. Gagkuev, V. Zh. Tsvetkov [et al.]. Moscow, 2009. P. 9–226. ISBN 978-5-85824-190-4. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archive of Russian Federation (SARF)]. File: 5881/393. (In Russ.).
9. Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn na 1 yanvarya 1891 g. [List of generals by seniority. Done on January 1, 1891]. St. Petersburg, 1891. (In Russ.).
10. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)]. File: 409/1/54861. (In Russ.).
11. RGVIA [RSMHA]. File: 16196/1/1192. (In Russ.).
12. RGVIA. Pechatnyye izdaniya [RSMHA. Printed editions]. File: 14810. (In Russ.).
13. RGVIA. Pechatnyye izdaniya [RSMHA. Printed editions]. File: 14830. (In Russ.).
14. RGVIA. Pechatnyye izdaniya [RSMHA. Printed editions]. File: 14832. (In Russ.).
15. RGVIA. Pechatnyye izdaniya [RSMHA. Printed editions]. File: 14833. (In Russ.).
16. RGVIA. Pechatnyye izdaniya [RSMHA. Printed editions]. File: 14836. (In Russ.).
17. Kravchenko V. Drozdovtsy ot Yass do Gallipoli [Drozdovtsy from Iasi to Gallipoli]. In 2 vols. Munich, 1973. Vol. 1. 394 p. (In Russ.).
18. Biks P. I. Dnevnik voyennykh deystviy v Kamennougol'nom basseyne [The diary of military operations in the coal basin] // Drozdovskiy i drozdovtsy [Drozdovsky and Drozdovtsy] / Comp. R. G. Gagkuev [et al.]. 2nd ed. Moscow, 2012. P. 441–462. ISBN 978-5-904552-18-3. (In Russ.).
19. Kravchenko V. Drozdovtsy ot Yass do Gallipoli [Drozdovtsy from Iasi to Gallipoli]. In 2 vols. Munich, 1975. Vol. 2. 366 p. (In Russ.).
20. Chicheryukin-Meyngard V. G. Po sledam drozdovtsev... [In the footsteps of Drozdovites...]. Moscow, 2016. 156 p. ISBN 978-5-906569-11-0. (In Russ.).
21. Kelner K. Oslavitsa (iz vospominaniy komandira roty) [Oslavitsa (from the memoirs of the company commander)] // Chasovoy. *Chasovoy*. 1936. No. 178. P. 16–18. (In Russ.).
22. Kelner K. Iz glubiny vekov [From the depths of centuries] // *Za veru, tsarya i otechestvo. Za Veru, Tsarya i Otechestvo*. Belgrade, 1939. P. 4. (In Russ.).
23. Chasovoy. *Chasovoy*. Brussels. 1959. No. 398. (In Russ.).
24. Bolshakov L. P. Vzyatiye Belgoroda [The capture of Belgorod] // Markov i markovtsy: [sb. dok. i vospominaniy] [Markov and Markovites] / comp. R. G. Gagkuev [et al.]. 2nd ed. Moscow, 2012. P. 532–535. (In Russ.).
25. GARF [SARF]. File: 5881/2/394. (In Russ.).
26. Revolyutsiya i natsional'nyy vopros. Dokumenty i materialy po istorii natsional'nogo voprosa v Rossii i SSSR v XX veke [The revolution and the national question. Documents and materials on the history of the national question in Russia and the USSR in XX century]. In 3 vols. / Ed. S. M. Dimanshtein. Moscow, 1930. Vol. 3. (In Russ.).

GAGKUEV Ruslan Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

AuthorID (RSCI): 677585

ORCID: 0000-0001-6873-3946

Address for correspondence: gagkuev@yandex.ru

GUSHCHIN Fedor Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher.

AuthorID (RSCI): 1075759

ORCID: 0000-0002-3010-8683

Address for correspondence: adv-fedor@bk.ru

For citations

Gagkuev R. G., Gushchin F. A. «Even though Volunteer fighters made their mistakes and sins, only those who do nothing make no mistakes». *Memoirs of Volunteer Army officers in 1918–1920 left by Major General Konstantin A. Kelner* // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 1. P. 56–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-56-64.

Received June 28, 2020.

© R. G. Gagkuev, F. A. Gushchin